РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

МИНОБРНАУКИ РФ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 7

К 225-ЛЕТИЮ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ

iформат

ЖУРНАЛИСТИКА ПРОВИНЦИИ

ББК 76.0:76.01

Редакционная коллегия: **Матишов Г.Г.** — председатель Южного научного центра РАН, академик (Ростов-на-Дону) — председатель редакционной коллегии

Шаповалов В.А. — ректор Ставропольского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (Ставрополь) — заместитель председателя редакционной коллегии

Авксентьев В.А. (Ставрополь)

Батиев Л.В. (Ростов-на-Дону)

Голубева Н.И. (Ростов-на-Дону)

Корнеева М.Д. (Ставрополь)

Лепилкина О.И. (Ставрополь) — ответственный редактор

Раскладкина М.К. (Москва)

Станько А.И. (Ростов-на-Дону)

Шевченко А.В. (Москва)

I-формат. Журналистика провинции : альманах / Под ред. Г.Г. Матишова, В.А. Шаповалова, О.И. Лепилкиной. — Вып. 7. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского государственного университета, 2011. — 240 с.

ISBN 978-5-88648-803-6

7-й выпуск научно-публицистического альманаха «I-формат. Журналистика провинции» подготовлен в рамках подпрограммы по Югу России «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Пространственное развитие Российской Федерации: междисциплинарный синтез» и предназначен для ученых, практикующих журналистов и всех интересующихся проблемами масс-медиа.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

iформат
ЖУРНАЛИСТИКА ПРОВИНЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

О. И. Лепилкина
Становление провинциальной периодической печати в России в дореволюционный период: этапы и типология (К 225-летию провинциальной периодики) 7

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКИ

i формат

С. Г. Корконосенко
Личная свобода журналиста: почему и для чего? . . . . . .

П. Шосток
Право на доступ к публичной информации в контексте развития электронных средств коммуникации: польский опыт . . . . . .

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ

М. Геруля
Региональные ежедневники в Польше в период системной трансформации . . . . . .

С. В. Олейников
Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков . . . . . .

О. И. Лепилкина
Тематическое пространство скандалов в современной прессе Северного Кавказа . . . . . .

ПРАВО МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

А. Г. Капустина
Правила, новации и парадоксы нового информационного законодательства о защите несовершен-

ЖУРНАЛИСТИКА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. В. Шевцов
Николай Алексеевич Костров — автор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866-1881 гг. 90

А. И. Станько
Г.Н. Прозрителев о И.В. Бентковском 101

Е. В. Ахмадулин
Издательство «Донская речь» Н.Е. Парамонова 108

Ю.В. Лучинский
«Эхо» и «Слезы»: первые сатирические журналы Кубанской области 127

Ю.А. Клец
Съезд представителей губернских и областных ведомостей в Петрограде в 1916 году о положении провинциальной прессы: решения и перспективы 134

Н.Д. Дубовер
Творчество Ю. Юзовского в северокавказской краевой печати 1920-х годов: истоки жанрового синкретизма . . . 141

В.В. Смеюха
Становление и развитие местной женской прессы на Северном Кавказе в 20–30 годы XX века . . . 152

В. В. ШЕВЦОВ

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСТРОВ - АВТОР НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В 1866-1881 ГГ.

Алексеевича Кострова — секретаря томского губернского статистического комитета связана целая эпоха в истории «Томских губернских ведомостей», начавших выходить в Томске с 1857 г. Пятнадцать лет подряд, с 1866 по 1881 г., вплоть до своей кончины Костров был основным автором газеты, наполняя ее неофициальную часть статьями по истории, этнографии, географии и статистике края. Всего за этот период Н.А. Костров стал автором и составителем 118 публикаций.

Н.А. Костров родился в 1823 г. в Орловской губернии в семье мелкопоместного псковского дворянина, его княжеский титул происходил от перешедшего в середине XVI в. на русскую службу и в православие казанского мурзы [1, с. 167-168]. Род князей Костровых, хотя и упоминался в некоторых генеалогических изданиях в числе утвержденных, формально никогда не был признан Сенатом княжеским. Видимо поэтому, все свои публикации в пепиоличестсих из-

В 1843 г. Костров окончил юридический факультет Московского университета, с 1844 г. начал службу в межевой канцелярии в чине губернского секретаря. В 1846 г. подал прошение о переводе его в Красноярск. Причины такой просьбы заключались в двух обстоятельствах — в отсутствии связей и покровителей для продолжения службы в Москве и необходимость содержать семью. С учетом этих обстоятельств служба в Сибири предоставляла большие возможности для материального и карьерного роста, применения своих знаний и способностей. Переезд в Красноярск навсегда связал Кострова с Сибирью. Первоначально он исполнял различные поручения енисейского губернатора В.К. Падалки, а в 1847 г. возглавил одно из отделений общего губернского управления. В этой должности Кострову удавалось совмещать поддержание порядка в делопроизводстве (об этом свидетельствовали благодарности как от губернатора, так и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева) и писательскую деятельность — в 1851 г. в журнале «Москвитянин» был опубликован целый ряд его статей, в том числе о коренных и русских жителях Енисейской губернии. В 1852-1855 гг. Костров исполнял должность делопроизводителя енисейского губернского статистического комитета (впоследствии он стал его членом-корреспондентом), которая предоставила ему возможности и материалы к написанию большого количества статей, опубликованных в «Москвитянине», «Записках Сибирского отдела Русского географического общества», «Журнале МВД».

Во время службы в Красноярске Костров подружился с губернатором, назначенным на этот пост в 1845 г. Сохранились очень теплые и доверительные письма Падалки к Кострову в Минусинск, а также после отставки губернатора [2, д. 77]. В 1855 г. Костров, предписанием генерал-губернатора Восточной Сибири, был переведен из Красноярска в Минусинск в качестве начальника округа. Здесь судьба свела Кострова с М.В. Петрашевским, который в феврале 1860 г. был выслан из Иркутска в село Шушенское преемником Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаковым. О своих встречах с Петрашевским Костров оставил воспоминания, датируемые второй половиной 70-х гг. [2, д. 26]. Текст, написанный практически без исправлений карандашом, предполагался как ответ на статью В.П. Бурнашева в «Русском Архиве» [3, с. 1770-1851], называющий заговор Петрашевского «гнусным» и «нелепым», однако

встречался каждый день: «Иногда мы проводили целые вечера с глазу на глаз, разговаривая о прошлом и рисуя узоры будущего».

В сентябре i860 г. Костров, распоряжением М.С. Корсакова, получил назначение в Красноярск советником енисейского губернского суда, и хотя это было повышением по службе, но, как писал Костров, «оставляя Минусинск, я должен был оставить в нем все хозяйство, заведенное трудами и лишениями в течение шести лет, потому что брать с собою что-нибудь не стоило по дороговизне провозной платы. Жить с семейством в Минусинске, где по крайней мере первые потребности были довольно дешевы и приехать в Красноярск, где ценность на все достигала устрашающих размеров, была большая разница».

Причину перевода из Минусинска Костров видел в своем доброжелательном отношении к ссыльном}': «Я хорошо знал, откуда дует ветер и что перевод мой есть не что иное, как кара, разражающая над Минусинском за теплый и гостеприимный приют, данный Петрашевскому. Предполагая оставить Сибирь, я взял двухмесячный отпуск и стал раздумывать, куда бы направиться, чтобы заработать кусок хлеба».

После ухода со своих постов покровительствовавших Кострову Н.Н. Муравьева и В.К. Падалки перед ним встал выбор — остаться в Сибири или выехать на службу в Европейскую Россию, где в связи с готовящейся судебной реформой человеку с юридическим образованием и владеющим поместьем нашлось бы место. Однако выбор был сделан за первым. В переписке с Падалкой Костров признавался, что настолько полюбил этот край, что хотел бы в нем остаться. Выход был найден в переходе из Восточной Сибири в Западную и в сентябре 1861 г. Костров ходатайствовал о переводе его в Томск. Однако найти здесь новую должность не удалось — полгода надворный советник Костров числился за томским общим губернским управлением, а в марте 1862 г. был отправлен в глухой угол Барнаульского округа — село Спирино, где в должности комиссионера по казенной соляной операции находился более трех лет. Здесь в отсутствии какого-либо образованного общества (в селе числилось 7 дворов) долгой зимой (поставки соли проходили летом) Костров писал очень много — 29 текстов самых разнообразных жанров вышли из под его пера — переводы, стихи, научно-популярные очерки («О положении женщин в Китае»), литературная критика (на роман Лонга «Дафнис и Хлоя») и даже драматургия (пьеса «Песнь песней» в 5 актах).

Дошедшие до нашего времени статьи спиринского период
представляли собой либо черновые
(с малым количеством исправлений), либо

ликаций. Обращает на себя внимание то обстоятельство, насколько значительными по количеству и по объему были работы, разрабатывавшие женский вопрос и написанные на основе интереса к античной любовной лирике [5]. Однако наработанный впрок материал не был опубликован ни в губернских ведомостях (как заранее не соответствующий их программе), ни в центральных изданиях. Новые этнографические наблюдения и сведения (в том числе касающиеся положения женщин у коренных народов), к работе над которыми Костров приступил в Томске, были как более живыми и современными, так и более подходящими для публикации в провинциальной официальной газете.

В июне 1866 г. Костров был назначен томским губернатором Г.Г. Лерхе секретарем губернского статистического комитета и делопроизводителем губернского по крестьянским делам присутствия. С 1867 г. Костров исполнял должность начальника отделения по польским делам и цензора корреспонденции польских ссыльных, а также вошел в состав томской губернской строительной комиссии.

Чиновная карьера князя Кострова была не головокружительной, но в целом успешной — по служебной иерархии он достиг чина статского советника и в послужном списке имел только благодарности и поощрения. В сфере изучения того края, который стал ему родиной, его карьеру также можно считать состоявшейся — сибирской и российской научной общественностью секретарь томского статистического комитета был признан как сибирский этнограф и краевед. Если один из мотивов побуждающих человека писать — оставить после себя добрую память, то Кострову это, безусловно, удалось. Известно 192 его печатных публикации, из которых 11 вышли отдельными изданиями.

Обратимся к деятельности Н.А. Кострова в неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Свою работу в газете Н.А. Костров начал с № 40 от 14 октября 1866 г. Первые очерки губернских городов были посвящены Колывани и Нарыму (1866, № 40, 41), затем Томску (1866, № 43, 44), Кузнецку (1866, № 45, 46, 47), Бийску (1866, № 49, 50), Каинску (1867, № 1), Барнаулу (1867, № 3) и Мариинску (1867, № 6). Наиболее крупные этнографические публикации были подготовлены Костровым на основе материалов губернского архива и корреспонденций в статистический комитет (например, «Чулымские инородцы», 1867, № 7–9, 11–15) или представляли собой переводы записок иностранных путешественников («Томские самоеды (по Кастрену)», 1867, № 23–25; «Нарымские остяки (по Кастрену)». 1867, № 39, 40; «Из воспоминаний о Сибири Ганс-

Жанр путешествий с описаниями незнакомых народов и их обычаев очень привлекал Острова. Но своих личных дорожных впечатлений было немного — «Поездка в главстан Алтайской духовной миссии» (1868, №48, 49) и очерк «Шаман» о встрече с хакасским камом в период начальствования над Минусинским округом (1868, №35, 36, 38). Поэтому Костров часто прибегал к заимствованиям материалов у других авторов. Например, первая часть очерка «Тайга» (1869, № 1-3) была написана самим Костровым, а вторая, «приключенческая», половина о «страшной старухе» цинге была им позаимствована из «Журнала МВД» (1856, № 2). В основу статьи «Раскопки старинных могил на Алтае» (1869, № 29) был положен опубликованный годом ранее доклад о деятельности Археологической комиссии о работах, проделанных В.В. Радловым. Широко использовался Костровом прием подачи материала как «сообщено» и «извлечено из». Как секретарь статистического комитета, Костров имел право рассылать благочинным, священникам, уездным и окружным исправникам и другим должностным лицам отношения с вопросами о хозяйстве, обычаях, языке коренных народов Сибири в соответствии с программами, разработанными «Русским географическим обществом» [2, д. 64а, 646, 64В, 65, 76].

В 70-х гг. от небольших статей об отдельных народах Костров перешел к разностороннему обзору отдельных регионов и к разработке «сквозных» тем. Среди таких больших, продолжающихся публикаций, соединяющих в себе все имеющиеся географические, этнографические, исторические и экономические сведения, — «Нарымский край» (1872, №30-32, 36-39, 41-42, 44-51; 1873 №1-5), «Каинская Бараба» (1874, №25, 27, 32, 34-35, 37-38, 40-41, 43-45)- Эти статьи энциклопедического характера в этих же годах были напечатаны отдельными изданиями (Нарымский край. Томск, 1872. 96 е.; Каинская Бараба. Томск, 1874. 69 е.). Переводы из иностранных источников также стали идти большими сериями, публиковавшимися по два года — «Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 г.» (1876, № 29-31,33,34,36,37,40, 45,47,51; 1877, № 5,7,12,13,16,17, 20, 33), «Поездка на р. Чую доктора Радлова в i860 г.» (1878, №7, 8,13,15, 18, 30, 37, 38, 46, 48; 1879 2, 4, 6, 7, 11,14, 15, 19), «Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану» (1880, № 7, 40, 42, 43, 46; 1881, №2, з, 5, 8, 10-14, 18, 22, 26, 32-35). Во многом это объясняется возрастанием объемов занятости Острова, который по просьбе отделения этнографии Русско-

Томской губернии». В 1876 г. вышла книга с аналогичным названием (Томск, 1876. 117 с.), а в 1878 г. за многолетние труды по изучению народных юридических обычаев Кострову была присуждена малая золотая медаль Русского географического общества. В 1879 г. Костров удостоился серебряной медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за экспонаты по физическому воспитанию детей у различных народов на антропологической выставке в Москве.

Изучение обычного права было не единственной сквозной темой, к которой обратился Костров: на сибирском материале получил продолжение начатый в спиринский период гендерный сюжет. В очерке «О состоянии женщин между инородцами Томской губернии» (1873, №24, 26, 27, 29, 31, 33), написанном на основе трудов Палласа и Кастрена, Костровом были представлены картины тяжелого и приниженного положения инородческой женщины. Тем самым до читателя и будущего исследователя доносилась собственно этнографическая информация, а наряду с этим формировалось сочувственное отношение к такой исторически сложившейся действительности, вызывались мысли о возможном ее изменении.

Исторические работы Кострова были посвящены, прежде всего, Томску и городам Томской губернии — «Заметки для истории Кузнецка» (1867, №34), «Заметки для истории г. Томска» (1867, №41), «Открытие Томской губернии в 1804 г.» (1869, №43), «Город Томск с 1806 по 1818 г.» (1874, №50), «Город Нарым» (1866, №41, 42), «Томская губерния в 1818 г.» (1872, №15). Костровым был опубликован ряд архивных документов — грамоты Петра I томским воеводам (1875, №43, 44; 1876, №4, 5), грамоты об организации горного дела в Томске (1868, №4–6), проект 1811 г. о предоставлении сибирским чиновникам права на обустройство и содержание ссыльных с возможностью «владеть» ими в течение 20 лет, т. е. фактически о введении на территории Сибири режима крепостного права (1876, №6, 7).

Летом 1868 г. Костров сопровождал великого князя Владимира Александровича в его путешествии по Томской губернии и составил об этом подробное описание (1869, №39–46), в котором большое место уделялось не только всем обстоятельствам пребывания «царственной особы», но и истории и географии тех местностей, которые были посещены. Владимир Александрович одарил Кострова золотыми часами и цепочкой [6, ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5], что означало не только высокую оценку его труда, но и было своеобразной грамотой от члена императорской

явилось четыре статьи о томских губернаторах первой четверти XIX века.

Приближение даты 270-летия со дня основания города (1604 г.) Костров отметил статьей «Томск сто лет назад» (1872, № 14), в которой цитировал наблюдения о городе П.С. Палласа в «Путешествии по различным провинциям Российского государства». В этой статье Костров отмечал, что собирает материалы для «подробной историко-статистической монографии г. Томска», но такой отдельной и большой работы о городе так и не было написано. Видимо, для этой цели Костров подбирал и публиковал фрагменты сочинений иностранных путешественников, в которых приводились описания Томска и других городов губернии: «Путешествие Палласа по Бийскому округу Томской губернии, в 1770 г.» (1873, № 42–45, 48, 50–51; 1874, № 5–6), «Путешествие Палласа по Барнаульскому округу Томской губернии, в 1771 г.» (1875, № 6–9), «Большой сибирский тракт в Томской губернии сто лет тому назад» (1872, № 24–26), «Томский округ, по описанию Фалька, в 1771 и 1772 г.» (1875, № 4–5).

Итак, образ отрешенного и погруженного в свои труды кабинетного ученого, который создается при знакомстве с жизнью и деятельностью Н.А. Кострова, его публикациями в неофициальной части томской газеты, по-видимому, не далек от действительности. А.В. Адрианов, который в поисках книг и карт для подготовки экспедиции на Алтай, заглянул к Кострову незадолго до его смерти, оставил такой категоричный портрет князя: «Был у Кострова, полагал, что он знаток, что у него в библиотеке статистического отдела есть что-нибудь, ни то, ни другое; старик, который жует все одно и то же, ссылается на разные свои труды и не чувствует, что из носа течет; право, от него ничем не поживиться, даже губернских ведомостей нет» [7, с. 12]. В сообщении о смерти князя в «Сибирской газете» сообщалось, что Костров как человек, постоянно занятый работой, почти не бывал в обществе и имел скромное мнение о своих достоинствах и, напротив, глубокое осознание своих недостатков [8, с. 382].

Немногие факты биографии Кострова, при пристальном их рассмотрении, а также обращение к его архиву позволяют несколько освежить и оживить тот портрет, который сложился и воспроизводится в сибирской историографии при упоминании его имени.

Князь Н.А. Костров был человеком разносторонних интересов и не довольствовался рамками чиновной службы, ее буднями и досугом, однообразие которых было гибельно для многих молодых людей. Университетское образование и склонность к писательской работе позволили ему сделаться этногра-

где он служил, — в красноярский, минусинский, спиринский и, наконец, самый продолжительный и плодотворный томский период. Nulla dies sine linea. В Спирино, когда поток материалов от корреспондентов енисейского статистического комитета иссяк, основой для переводов и размышлений стала оказавшаяся под рукой греческая и латинская классика. Если вновь прибегнуть к латыни, то Костров относился к числу людей, которых можно определить как Homo Scriptor.

У каждого автора есть свой круг предпочтительных тем и творческие пределы, это касается и Кострова. Этнография и история, по преимуществу, Томской губернии были основными предметами его работ. Из современной жизни Сибири Кострова интересовало ее экономическое состояние и развитие, но вопросов текущей общественной и политической жизни он практически не касался. Литературные средства, к которым прибегал Костров в текстах, не связанных с конкретной статистической отчетностью или фактографическими описаниями, характеризовались готовой художественностью и излишними стилистическими деталями. Например, сцена провоза Петрашевского через Красноярск: «День был жестоко морозный, такие бывали нередки в феврале-месяце. Вдруг сквозь разрисованные морозом стекла послышались колокольчики. Я взглянул на улицу. По ней во весь дух по направлению к почтамту неслась запряженная тройкою кибитка» и т. д.

Возможность скрупулезно собирать, фиксировать и доносить до читателя цифры, факты и суждения из ученых сочинений для Кострова были всегда более значимыми, чем возможность на их основе сделать более широкие выводы и представить собственные суждения. Костров часто заимствовал фрагменты из других работ схожей тематики, не писал, а составлял статьи, ограничиваясь переводами, цитированием или пересказом, хотя в среде пишущих людей того времени это было весьма распространено. Надо сказать, что к этому обязывал и присылаемый материал, и характер работы секретаря статистического комитета, заключавшийся в литературной обработке ответов корреспондентов на формализованные вопросы.

Хотя Костров обладал умением выражать личные наблюдения и самостоятельные оценки, но делал это в очень осторожной и ограниченной форме. Часто подразумевалось, что вывод из изложенных фактов должен сделать сам читатель. Например, в статье «Первый книжный магазин в г. Томске» Костров отмечал факт его долгого отсутствия как «замечательный в истории нашей цивилизации», но далее продолжал:

Костров хорошо уживался с людьми разных взглядов и положения. Енисейский губернатор В.К. Падалка не стеснялся говорить в письмах о тяжелом душевном состоянии по поводу своей отставки. Находясь в Красноярске, Костров входил в окружение декабриста Д.В. Давыдова. Другой государственный преступник М.В. Петрашевский доверял ему отправку своих писем в Россию и вел беседы с глазу на глаз, в которых говорилось не только о прошлом, но и рисовались «узоры будущего». Очевидно, что при дефиците интересного и равного по образования собеседника два юриста находили общие темы для разговора и точки соприкосновения во взглядах по поводу формально-законного и действительного положения дел в русском обществе (не случайно, все правоведы находились под особым контролем у III Отделения).

Кострову как мыслящему человеку не были чужды прогрессивные идеи своего века, он читал «Колокол» [2, д. 26, л. 9-906], считал ценностью свободу печатного слова [2, д. 26, л. 306], сочувствовал пусть не взглядам, но самой личности Петрашевского. Однако как чиновник, ответственный перед начальством, и как глава семейства, ответственный за жену и детей, он обязан был быть осторожным и стесненным в своих словах и поступках: «Мне хорошо было известно, что при отсутствии всякого общественного мнения и служебного надзора в Сибири и жизнь и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства» [2, д. 26, л. 13]. Поэтому Костров предпочитал не рисковать и разрабатывать только нейтральные в цензурном отношении темы. Результат был налицо, вернее, на листе — за пятнадцать лет работы Кострова в неофициальной части газеты его статей не коснулась цензорская правка, хотя за это время в Томске сменилось четыре губернатора (Г.Г. Лерхе, Н.В. Родзянко, А.П. Супруненко, В.И. Мерцалов).

Наконец, Кострову было присуще и чувство юмора, ироническое отношение к своим трудам. В подаренную коллеге-чиновнику П.П. Набалову книгу «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (Томск, 1876) он вклеил лист с таким обращением: «Вот целый тюк тебе моих творений. В часы бессонницы ты можешь их читать. И я ручаюсь, что крепко будешь спать, Без всяких глупых грез и сновидений. 5 февраля, 1875». В рассказе «Шаман», где Костров цитировал стихи, воспевающие прелести юной кочевницы, он, видимо, исходя из собственных наблюдений, заключал: «Что касается до прекрасной Ульчи, то я желал бы послушать, какую песню запел бы красноярский поэт, хотя бы неделю спустя после того, когда бы он

При Н.А. Костров неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобрела характер издательской площадки томского статистического комитета, она стала местом публикации его трудов по «исследованию губернии во всех отношениях». При этом по положению о статистических комитетах эти труды относились к категории необязательных, подготавливались по личной инициативе и не предусматривали какой-либо оплаты.

Систематизируя и обобщая уже написанное < ске и Томской губернии, публикуя неизвестные архивные источники, Костров приготовлял мат для будущих исследователей, которых он виде; честве читателей. Например: «Как оригинал, та: ревод путешествия Палласа стали теперь веськ кими; поэтому мы надеемся оказать услугу всем мающимся изучением Томской губернии, сделг ное извлечение из помянутого сочинения относ но южной части ее территории, именно Бийск< руга» [9,1873. №42. С. 4]. Конечно, такое встут можно рассматривать лишь как стилистичесга рот, характеризующий скромное мнение князя < трудах, но научная деятельность Кострова — эт твительно в большей степени деятельность у> систематизатора, чем ученого-практика или у общественного деятеля, какими были основат бирского областнического движения Г.Н. Пот Н.М. Ядринцев. Ему не нужна была аудитории был публичным человеком, трибуном. Костров Сибирь как объект исследования, в котором было заполнять «белые пятна», но он не был е менным адвокатом», как Н.М. Ядринцев.

Человек, серьезно увлеченный Сибирью и р гающий библиотекой, мог изучить работы ин ных и немногих отечественных авторов самост но, мог отправиться в далекую служебную кс ровку или научную экспедицию, чтобы увидет] очию. Но не все располагали такими возможно ставили перед собой такие задачи, поэтому не альная часть газеты выполняла еще и иросвс скую функцию по формированию образа Сиби тров писал и составлял свои тексты не только ных целях и по служебной необходимости (ка тарь статистического комитета он отчитывалс кациями), но и адресовал их тому кругу люде рые, читая газету для знакомства с необходил циальной информацией, в части неофициаль же могли найти что-то для себя интересное, быть чиновник, священник, врач, купец, пр(родской и сельский житель, приезжий из Ро< коренной сибиряк. Одним словом, читающий

ром протекали его повседневные служебные и хозяйственные дела.

• Я
В Щ 1

1. Дмитриенко Н.М. Костров Николай Алексеевич II Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. —Томск, 2004.
2. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). — Ф. 5. Оп. 1.
3. Бурнашев Б.П. ivi.rO. Лермонюв, в рассказах его гвардейских однокашников II Русский Архив. 1872. Кн. 9.
4. Шевцов В.В. Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском II Человек — текст — эпоха. — Томск, 2011. — Вып. 4.
5. «Из этюдов о женщинах римских эротических поэтов» (146 л., черновой автограф), «Женщины римских эротических поэтов» (10 л., неоконченная статья, беловой автограф), «Андриянка. Комедия Теренция» (34 л., перевод с латинского), «Гетеры древней Греции» (89 л., черновой автограф), «Дафнис и Хлоя. Роман Лонга» (38 л., неоконченная статья), «Древние евреики» (40 л., черновой автограф), «Сатурналии» (12 л., черновой автограф), «О положении женщин в Китае» (10 л., статья), «Вторая супруга короля Сигизмунда-Августа» (36 л., статья), «Женщины Горация» (24 л., статья), «Из Овидия» (2 л., статья), «Песнь песней» (12 л., пьеса в пяти актах), «Сафо» (14 л., статья). См.: ОРКП НБ ТГУ. Архивные фонды. Выпуск 2. Николай Алексеевич Костров. Опись архива / Сост. Н.В. Васенькин. — Томск, 2004.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО).
7. Письмо А.В. Адрианова Г.Н. Потанину. 2 ноября 1880 г. // Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину I Сост. публ. Н.В. Васенькин. —Томск, 2007.
8. Сибирская газета. — Томск, 1881. — №12.
9. Томские губернские ведомости.